

Annales de l'Université Impériale de Kharkow.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1909 г.

Книга 4-я.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевскал, с. д. № 6.
1909.

1081.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть офіціальная.

Проф. В. М. Гордонъ. Пятисотлѣтіе Лейпцигскаго Университета	Стран. 1—25
---	----------------

Часть неофіціальная.

Научный отдѣлъ.

През.-доц. И. М. Эндзелинъ. О фонетическихъ измѣненіяхъ въ языкѣ I. M. Endzelin. Changements phonétiques dans la langue.	1—9
Студ. И. М. Тоцкій. Изслѣдованіе квартиръ студентовъ-медиковъ 4 и 5 курса Харьковскаго Университета въ 1908 г. V. M. Totzky. Des logements des étudiants médecins à l'Univer- sité de Kharkow.	10—22
Проф. И. Г. Оршанскій. Психіатрія. Руководство для студентовъ-медиковъ и юристовъ Prof. I. G. Orchansky. Psychiâtrie. Manuel pour les étudiants médecins et juristes.	241—389

Критика и библіографія.

Проф. Г. А. Ильинскій. Критическій отзывъ о книгѣ Фасмера „Греко-Славян- скіе этюды“ Prof. G. A. Iljinsky. M. Vasmer „Les études greco-slaves.“	1—3
---	-----

Приложенія.

Студ. Н. И. Черноволотъ. Музей изящныхъ искусствъ и древностей Импера- торскаго Харьковскаго Университета. Коллекція гравюръ А. Н. Алферова N. I. Tchernovolote. Musée des Beaux Arts et des Antiquités de l'Université Impériale de Kharkow. Collection des gravures de A. Alférof.	1—112
Результаты наблюденій метеорологической станціи Императорскаго Харьков- скаго университета. Выводы изъ пятнадцатилѣтнихъ наблюденій (1892—1906) Résultats des observations de l'observatoire météorologique de l'Université de Kharkow pendant l'année 1892—1906.	17—27

Объявленія.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Фонетическія измѣненія и ихъ причины *).

(Вступительная лекція).

М.м. Гл.!

Всякій, кто обращаетъ хоть сколько-нибудь вниманія на явленія языка, часто наблюдаетъ случаи измѣненія звуковъ или, вѣрнѣе сказать, измѣненія словъ. При этомъ въ однихъ словахъ старый звукъ замѣняется новымъ звукомъ, какъ, на примѣръ, въ русскомъ словѣ *рука*, гдѣ *у* замѣнило собою праславянское *o* носовое, сохранившееся еще въ церковнославянскомъ *рука*; въ другихъ случаяхъ старый звукъ исчезаетъ, не замѣняясь новымъ звукомъ, какъ, на примѣръ, въ русскомъ *молить*, гдѣ предъ *л* отпало *д*, какъ показываетъ на примѣръ польское *modlić*. Иногда, наконецъ, возникаетъ новый звукъ, присоединяющійся къ старому составу звуковъ, какъ, на примѣръ, въ украинскомъ *ірвати*, *іржати*, гдѣ старыя формы *рати*, *ржати* получили въ началѣ еще гласный звукъ *i*. Итакъ, мы видимъ, что измѣняются слова, звуки же замѣняются, исчезаютъ или присоединяются. Эти звуковыя измѣненія словъ происходятъ во всѣхъ языкахъ, но не съ одинаковою быстротою: между тѣмъ какъ въ балтійскихъ языкахъ звуки индоевропейскаго праязыка сохранились сравнительно хорошо, въ родственныхъ имъ германскихъ и романскихъ языкахъ же формы праязыка измѣнились до неузнаваемости. Сравните, на примѣръ, между собою французское *cher* (изъ латинскаго *carus*) и латышское *ķars* жадный: и то и другое восходитъ къ праязыковому **k̑aros*; или нѣмецкое *hohn* и латышское *kains* «срамъ»; и то и другое слово получено изъ праязыковаго **kainōs*, сохранившагося еще въ древнегреческомъ *καυρός* «дурной». Еще въ другомъ отношеніи мы наблюдаемъ замѣтельную неравномерность, и притомъ въ предѣлахъ одного и того же языка. Нѣкоторые звуки, какъ показываетъ исторія языковъ, сохра-

*) Въ этомъ популярномъ изложеніи извѣстныхъ языковѣдамъ фактовъ и гипотезъ и счесть излишними ссылки на источники (спеціалисты ихъ и такъ знаютъ), представляемъ образомъ Wechssler, Gibt es Laut-Gesetze.

няются цѣлыя тысячи лѣтъ, другіе же замѣняются новыми звуками совсѣмъ опускаются, какъ, на примѣръ, индоевропейское *p* въ кельтскихъ языкахъ. И всѣ эти измѣненія совершаются съ извѣстной закономѣрностью; такъ, напр., праславянское *o* носовое замѣнилось въ русскомъ языкомъ гласнымъ *y* не только въ только что упомянутомъ *рука*, но во всѣхъ формахъ, гдѣ оно встрѣчалось. Если бы не было этой закономѣрности мы были бы лишены возможности изслѣдовать исторію языка. Эти звуковыя измѣненія словъ довольно загадочны. Измѣненія звукового состава въѣдъ не согласуются съ сущностью и назначеніемъ языка; если языкъ долженъ служить средствомъ сообщенія, то каждый индивидъ долженъ говорить точно такъ же, какъ говорятъ тѣ лица, съ которыми онъ имѣетъ сношенія. Если бы не было стремленія къ фонетической равномѣрности то никакой языкъ не могъ бы ни возникнуть, ни сохраниться. Существованіе такого стремленія легко подтверждается наблюденіями. Мы смѣялись надъ уклоненіями отъ мѣстнаго произношенія и всякаго грамматическими ошибками считается, какъ извѣстно, уже признакомъ извѣстной образованности. Обыкновенно же клеймятъ индивидуальныя уклоненія туземцевъ, какъ погрѣшности противъ языка и осмѣиваютъ наравнѣ съ тѣлесными недостатками. Еще больше издѣваются въ деревнѣ надъ лицами, которыя говорятъ на чужомъ говорѣ, и ихъ до извѣстной степени даже заставляютъ усвоить себѣ произношеніе новой родины. Тонкость же слуха у безграмотныхъ столь велика, что даже языковѣду можетъ быть завидно. А если все это такъ, то мы должны прійти къ заключенію, что звуковыя измѣненія словъ совершаются замѣтно и бессознательно, такъ какъ въ противномъ случаѣ они истощались бы. А кромѣ того, мы можемъ заключить, что причины измѣненія звукового состава кроются не въ нѣкоторыхъ лишь индивидахъ, но во всемъ обществѣ, такъ какъ иначе такія измѣненія считались бы погрѣшностями противъ языка. Тутъ я, правда, долженъ оговориться, что только что сдѣланныя заключенія не относятся къ литературному языку. Въ литературномъ или культурномъ языкѣ, наоборотъ, играютъ большую роль индивидуальныя произволъ и сознательное подражаніе авторитету. Такъ, на примѣръ, доказано, что такъ называемое картавое *r*, которое теперь произносится въ большихъ городахъ и даже цѣлыхъ мѣстныхъ Германіи, первоначально представляло собою подражаніе французскому произношенію. Всему французскому въѣдъ давалось преимущество передъ всѣмъ туземнымъ. Подобно этому русскіе грамотеи 18 столѣтія, извѣстнаго простонароднаго произношенія, говорили *h* вмѣсто *r*, чтобы не впасть въ «подлость», т. е. держались церковнаго (и малорусскаго) произношенія, напр., въ словахъ: *хрусть*, *храдъ*, вмѣсто *русть*, *радъ*. Ссылаясь

такія явленія въ культурныхъ языкахъ, нѣкоторые ученые высказывали мысль, что вообще всѣ фонетическія измѣненія представляютъ собою новшества отдѣльныхъ индивидовъ, распространившіяся въ послѣдствіи путемъ подражанія среди цѣлаго племени или даже народа. Съ этимъ однако не согласуется повсюду господствующее стремленіе къ фонетической равнѣрности, о которомъ только что была рѣчь. Спрашивается, каковы же причины фонетическихъ измѣненій. Этимъ вопросомъ занимались уже древніе греки и индусы. Въ греческой грамматикѣ разсматривались звуки и фонетическія измѣненія словъ съ эстетической точки зрѣнія; разсуждали о томъ, какіе звуки самые красивые, причемъ находили, что самый красивый гласный—*a*, а самый красивый согласный—*l*. Фонетическія измѣненія происходили, по ихъ мнѣнію, ради благозвучія. И это ученіе о благозвучіи держалось недавно еще въ наукѣ, а въ школьныхъ грамматикахъ оно господствуетъ и теперь еще. А между тѣмъ стремленіе къ благозвучію никакъ не можетъ считаться причиною фонетическихъ измѣненій. Не всѣ вѣдь имѣютъ о благозвучіи совершенно одинаковыя понятія; затѣмъ, признавая въ языкѣ тенденцію къ благозвучію и объясняя имъ измѣненія звукового состава, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны были бы признать, что говорящими сознательно измѣняются факты языка, между тѣмъ какъ наблюденія противорѣчатъ этому. Индійскіе же грамматики предполагали, что звуковыя измѣненія, по крайней мѣрѣ—отчасти, совершаются съ цѣлью видоизмѣненія значенія словъ. Они еще не знали, что форма слова сама по себѣ еще не имѣетъ ничего общаго съ его значеніемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ фонетическихъ измѣненій можно думать о стремленіи къ облегченію работы органовъ рѣчи. Сюда относятся, напримѣръ, сліяніе гласныхъ (*δηλόων* въ *δηλόν*) и выпаденіе и ассимиляція согласныхъ. Въ такихъ случаяхъ одинъ звукъ замѣняется другимъ, который въ данномъ случаѣ легче произносится. Но и эта гипотеза о стремленіи къ облегченію произношенія въ дѣйствительности объясняетъ не все фактовъ, чѣмъ могло бы казаться съ перваго взгляда. Во многихъ случаяхъ вѣдь трудно рѣшить, какой звукъ удобнѣе для произношенія, и затѣмъ еще остается дальнѣйшій вопросъ, почему вдругъ оказывается неудобнымъ тотъ или другой звукъ, который раньше безъ заботки произносился многими поколѣніями? Кромѣ того, даже при поверхностномъ знакомствѣ съ относящимися сюда фактами легко убѣдиться, что далеко не всегда дѣйствительно легче произносить тотъ звукъ, который является замѣстителемъ другого звука; если, напримѣръ, въ древневерхненѣмецкомъ прагерманское *ō* переходитъ въ дифтонгъ *uo*, или если въ русскомъ *родѣть* одно *р* замѣнило собою праславянское *ръ*, то тутъ фонетическія измѣненія не влекутъ за собою облегченія произ-

ношенія. Ссылались также на природу мѣстности и на климатъ, какъ на причины звуковыхъ измѣненій. Часто объясняли мнимую суровость дорійскаго нарѣчія вліяніемъ горной природы Лаконіи и мнимую мягкость іонійскаго нарѣчія вліяніемъ умѣренного климата малоазійскаго побережья, забывая при этомъ, что Лаконія не родина дорійскаго племени и что на малоазійскомъ побережьи находились не только іонійскія, но и эолійскія и дорійскія колоніи. Подобно этому объясняли характеръ для швейцарцевъ суровое *ch* вліяніемъ суроваго воздуха горъ, совершенно упуская изъ виду, что и голландцы произносятъ такое же суровое *ch*. Одинаковыя фонетическія явленія встрѣчаются въ совершенно различныхъ мѣстностяхъ, и, съ другой стороны, при совершенно одинаковыхъ физическихъ условіяхъ наблюдаются совершенно различные фонетическія явленія. Нельзя, конечно, отрицать вліянія природы и климата на образованіе различныхъ расъ. Но такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ отдѣльные народы часто мѣняли свое мѣстопробываніе, то это вліяніе ускользаетъ отъ нашего познанія. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній думать, что индоевропейскіе народы въ случаяхъ переселенія всякій разъ фонетически приспособлялись къ окружающей ихъ природѣ. Гипотеза о вліяніи природы на звуковой составъ языка пополняется другою гипотезою, по которой измѣненія органовъ рѣчи, обусловленные природою и климатомъ, являются причиною фонетическихъ измѣненій. Правда, конечно, что органы рѣчи не у всѣхъ расъ одинаковы. И не только то, что у говорящаго толстыя или же тонкія губы, не можетъ быть безразлично для произношенія губныхъ звуковъ. Также форма языка и носа не вездѣ одинакова. Но для нашей проблемы такія различія въ строеніи органовъ рѣчи, какія наблюдаются у различныхъ расъ, не имѣютъ непосредственнаго значенія. Въдѣ въ данномъ случаѣ мы пытаемся объяснить дифференціацію всѣхъ языковъ міра, но ограничиваемъ вопросомъ о причинахъ фонетическихъ измѣненій, происшедшихъ въ одномъ языкѣ. Различія въ строеніи органовъ рѣчи могутъ играть важную роль лишь тогда, когда происходитъ смѣшеніе народовъ. Но тутъ надо имѣть въ виду, что одинаковое слуховое ощущеніе можетъ получаться и при неодинаковой артикуляціи. Другіе же объясняютъ различія звуковъ колебаніемъ въ произношеніи. Не подлежитъ, правда, сомнѣнію, что въ произношеніи отдѣльныхъ индивидовъ наблюдаются извѣстныя колебанія, которыя, однако, настолько ничтожны, что обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія другихъ; а если эти минимальныя отклоненія отъ нормальнаго произношенія постоянно направляются въ одну и ту же сторону, то съ теченіемъ времени конечно можетъ возникать новый языкъ. Однако такъ пожалуй объясняется только вопросъ, какимъ образомъ

исходятъ фонетическія измѣненія; но не выясняется *причина*, почему такія уклоненія направлены всѣ въ одну и ту же сторону. Такіе случаи фонетическихъ измѣненій, когда мѣна звуковъ происходитъ сразу, а не постепенно, приверженцы этой теоріи считаютъ повторными ошибками произношенія; и нѣкоторые случаи диссимиляціи въ самомъ дѣлѣ такъ объясняются удовлетворительно. Но опять-таки возникаетъ вопросъ, почему именно говорящими допускались такія, а не другого рода ошибки, и притомъ иногда не во всѣхъ словахъ, представлявшихъ одинаковыя фонетическія условія. Сторонники этой теоріи далѣе послѣдовательно считаютъ главными виновниками фонетическихъ измѣненій—дѣтей. Ни одна генерация не усваиваетъ себѣ даже произношенія вполне въ томъ видѣ, въ какомъ оно было свойственно предшествующему поколѣнію. И уклоненія дѣтей въ произношеніи звуковъ естественно могутъ быть значительнѣе, чѣмъ уклоненія взрослыхъ. Нѣкоторые языковѣды поэтому вызываютъ фонетическія измѣненія неисправленными ошибками дѣтей. Но опять-таки остается невыясненнымъ вопросъ, почему дѣти, недостаточно усваивая себѣ звуки отцовскаго языка, подвергаютъ ихъ именно *какимъ*, а не инымъ измѣненіямъ, и почему уклоненія *всѣхъ* дѣтей *какого* поколѣнія направлены въ одну и ту же сторону, а не въ разныя стороны? Если бы уклоненія въ произношеніи дѣтей дѣйствительно играли *такую* значительную роль, то *вѣдь* въ результатѣ мы имѣли бы дикій *языкъ*, прямо вавилонское смѣшеніе языковъ. Всякій говорилъ бы совершенно такъ, какъ онъ учился говорить. И какъ объясняется въ та- *кихъ* случаѣхъ неодинаковая быстрота фонетическихъ измѣненій? Иногда *въ* теченіе немногихъ столѣтій происходитъ совершенный переломъ въ составѣ звуковъ (вспомнимъ, напримѣръ, о такъ называемомъ пере- *измененіи* согласныхъ въ германскихъ языкахъ), тогда какъ потомъ за *такое* время не наблюдается никакихъ фонетическихъ измѣненій. Такъ, на- *примѣръ*, установлено, что въ швабскомъ нарѣчій нѣмецкаго языка, *начиная* съ 14 столѣтія не было никакихъ измѣненій звукового состава. *А вѣтъ* основанія думать, что дѣти во время германскаго переселенія *народовъ* менѣе тщательно учились говорить, чѣмъ впоследствии. Итакъ, *можно* быть, имѣются еще особыя причины, благодаря которымъ укло- *ненія* дѣтей въ произношеніи направлены всѣ въ одну сторону и, пере- *ставая* быть уклоненіями, становятся нормою. Еще другую гипотезу пред- *ложилъ* нѣмецкій ученый Misteli. Онъ указываетъ на то, что народъ, *который* отличается сильнымъ развитіемъ культуры и переживаетъ много *измѣненій* со своими сосѣдами, менѣе сохраняетъ старинныя формы *своего* языка (такъ, напримѣръ, англичане и французы), между тѣмъ какъ *народы* *неблизкіе*, спокойно и въ первобытной обстановкѣ постоянно пребывающія

въ своей странѣ, являются замѣчательно консервативными также въ грамматическомъ отношеніи. Указываютъ тутъ и на литовцевъ, остававшихся язычниками вплоть до исхода среднихъ вѣковъ и сохраняющихъ въ себѣ языкѣ черты индоевропейскаго праязыка въ большемъ объемѣ, чѣмъ всѣ прочіе современные индоевропейскіе языки, и на финскіе языки консервативномъ характерѣ которыхъ можно судить напримѣръ по тому, что слова, заимствованныя финнами изъ германскихъ языковъ, индоевропейцы до насъ въ такой старинной формѣ, какой въ историческое время уже германскіе языки сами не знали. Такъ, напримѣръ, заимствованное финское слово *rengas* «кольцо», соответствующее нѣмецкому *Ring*, сохранило и гласный *e* передъ носовымъ согласнымъ и окончаніе—*as*, которыхъ въ историческое время уже не знаетъ ни одинъ изъ германскихъ языковъ; *e* тамъ перешло въ *i*, и *a* въ окончаніи и потомъ и конечное отпало. Въ виду такихъ примѣровъ говоритъ Misteli: «Легко понять, что языкъ народа тѣмъ лучше сохраняетъ свои старинныя формы, чѣмъ дальше онъ отстоитъ отъ преобразованій историческаго развитія, и чѣмъ упорнѣе онъ держится своихъ старыхъ воззрѣній и привычекъ; и тѣмъ болѣе измѣняется форма языка, чѣмъ живѣе и энергичнѣе народъ участвуетъ въ ходѣ историческихъ событій». Но если есть примѣры, говорящіе въ пользу этой теоріи, то нѣтъ недостатка и въ примѣрахъ, которые ей противорѣчатъ. Звуковой составъ латинскаго языка въ португальскомъ языкѣ измѣнился сильнѣе, чѣмъ въ испанскомъ; такъ разноречивы португальцы болѣе подвизались въ исторіи, чѣмъ испанцы? И разноречивы представители тосканскаго нарѣчія, едва ли не самаго консервативнаго романскаго нарѣчія, въ культурномъ отношеніи меньше создавали пережитѣй, чѣмъ ретороманцами въ Альпахъ, которые гораздо болѣе тосканцевъ измѣнили звуки и формы латинскаго языка? Остается наконецъ, рассмотреть теорію, которую сначала выставили романисты, а которую изъ индоевропейцевъ отстаиваетъ особенно нѣмецкій языковедъ Гиртъ. Исслѣдователей романскихъ языковъ, конечно, невольно занималъ вопросъ, почему латинскій языкъ въ римской имперіи распался на такое множество самостоятельныхъ нарѣчій и впоследствии языковъ? И такъ, столь обширное распространеніе латинскаго языка объясняется не собственнымъ ростомъ римскаго народа, но романизаціею различныхъ индоевропейскихъ племенъ, то невольно пришли къ мысли, что недостаточное усвоение чуждымъ рядомъ инородныхъ племенъ латинскаго языка было причиною развитія этого языка. Извѣстно вѣдь, что вполне безукоризненно усваиваютъ себѣ чужой языкъ только въ дѣтскомъ возрастѣ. А это объясняется тѣмъ, что взрослые, обращая вниманіе не только на звуковую форму, но и на значеніе словъ, усваиваютъ себѣ чужой языкъ, сохранив

артикуляционный базисъ, т. е. нормальное расположеніе органовъ рѣчи, своего родного языка; артикуляционный же базисъ не одинаковъ у всѣхъ народовъ. И вслѣдствіе этого взрослые не совсѣмъ точно усваиваютъ себѣ произношеніе чужого языка. Такъ, по мнѣнію нѣмецкаго фонетика Бремера, въ Германіи наблюдается столько же отгѣнковъ въ произношеніи французскихъ звуковъ, сколько нѣмецкихъ говоровъ, и наоборотъ, нѣмецъ легко узнаетъ по иностранному выговору француза или итальянина. Дѣти же сначала повторяютъ слышанныя ими слова, не зная ихъ значенія и при этомъ больше взрослыхъ стараются точно воспроизводить слышанные звуки. Въ случаѣ же смѣшенія двухъ народовъ свой языкъ обыкновенно сначала усваивается взрослыми, а не дѣтьми, такъ какъ съ дѣтьми ихъ мать или няня говоритъ на своемъ родномъ языкѣ. И даже дѣти того пришлаго народа, языкъ котораго становится господствующимъ, часто сначала усваиваютъ себѣ вымирающій языкъ туземцевъ, такъ какъ прислуга и няни часто принадлежатъ къ бѣдному племени туземцевъ. И въ римской имперіи римскіе колонисты вѣроятно часто женились на туземкахъ. Для провѣрки этихъ соображеній о вліяніи туземнаго элемента на возникновеніе романскихъ языковъ было необходимо установить, совпадаютъ ли древнія племенные границы съ территориальными діалектическими границами романскихъ языковъ. Этому однако много мѣшаетъ то обстоятельство, что мы слишкомъ мало знаемъ о языкахъ романизованныхъ народовъ и объ этнографическомъ составѣ имперіи. Полнѣе всего еще наши свѣдѣнія относительно кельтовъ и, кромѣ того, до насъ дошли близко родственные съ галльскимъ языкомъ британскіе языки. Поэтому съ кельтовъ и начались изслѣдованія романистовъ въ данномъ случаѣ. Итальянецъ Ascoli указалъ, что латинскаго *ū* въ *ii* встрѣчается только въ галлороманскихъ языкахъ, т. е. на первоначально галльской территоріи, т. е. въ сѣверной Франціи, во Франціи и въ латинскихъ говорахъ Альпъ, и что аналогичный латинскаго *ū* въ *ii* имѣлъ мѣсто также въ собственномъ языкѣ кельтовъ. Именно, вмѣсто общекельтскаго *ū*, сохранившагося въ ирландскомъ и британской вѣтви кельтскихъ языковъ, т. е. близко родственные галльскому языку языки кимрскій, корнскій и бретонскій имѣютъ *i*, которое конечно получилось черезъ переходную ступень *ii*. Такъ, на примѣръ, ирландскому *dūn* «крѣпость» соответствуетъ кимрское *din*. Подобно этому также въ нѣкоторыхъ галлороманскихъ нарѣчіяхъ *ii* перешло въ *i*. Такъ, на примѣръ, изъ латинскаго *dūrus* получилось французское *dur* съ *ii*, а въ нѣкоторыхъ латинскихъ говорахъ *dir* съ *i*. Ascoli еще указываетъ, что также въ германскомъ языкѣ голландское *ii* перешло въ *i*, напр. *duur* (=dūr) «Dauer» (про-

долженіе); голландцы же занимають территорію кельтскаго племени *бел-говъ*. Другой фактъ, на который указывает Ascoli, это—переходъ *f*— въ *h*—въ гасконскомъ и испанскомъ, т. е. въ странѣ *дранихъ* иберійцевъ или басковъ; напр. изъ латинскаго *ferum* «железо» получилось испанское *(h)ierro*. Но тутъ дѣло по моему болѣе сомнительно: *h*—вмѣсто *f*—появляется въ испанскомъ только начиная съ 16 столѣтія, между тѣмъ какъ въ древнеиспанскихъ текстахъ пишется еще *f*—, что Ascoli самъ объясняетъ вліяніемъ традиціоннаго латинскаго правописанія. Но *f*—переходитъ въ *h*—также въ тѣхъ испанскихъ словахъ, которые заимствованы изъ германскаго и арабскаго языковъ. Такъ неужели языкъ продолжалъ измѣняться еще такъ долго послѣ смѣшенія иберійцевъ съ римскими колонистами?

Приводятся еще другіе примѣры въ пользу теоріи о вліяніи туземцевъ на языкъ, который ими усваивается. Такъ указано, что нѣкоторые нѣмецкіе говоры на первоначально славянской территоріи утратили т. е. звукъ чуждый славянскимъ языкамъ. Въ Америкѣ всѣ европейскіе языки, англійскій, испанскій, португальскій и французскій, получили сильно носовой тембръ, и указываютъ въ виду этого, что языки американскихъ индѣйцевъ отличаются особеннаго рода носовою артикуляціею. И на Кавказѣ наблюдается почти одна и та же система гласныхъ и согласныхъ не только у индоевропейскихъ армянъ и иранцевъ, но также у неродственныхъ съ ними георгійцевъ и другихъ; и объясняютъ это общей примѣсью какихъ-то вымершихъ автохтоновъ.

Фонетикъ Ленцъ замѣтилъ, что испанскій языкъ въ Чиле съ своими звуковыми особенностями сильно отличается отъ настоящаго испанскаго выговора, и долѣе занимаясь этимъ явленіемъ, онъ пришелъ къ заключенію, что чиленская звуковая система въ сущности вполнѣ совпадаетъ съ звуковой системой аравканцевъ, т. е. коренныхъ жителей Чиле. А въ то же время обстоятельство, что испанскій языкъ получил аравканскую окраску только въ Чиле, а ни въ Перу, ни въ Боливіи, Ленцъ объясняетъ тѣмъ, что только въ Чиле произошло дѣйствительное смѣшеніе испанцевъ съ туземцами, тогда какъ въ другихъ южно-американскихъ странахъ меньшимъ количествомъ испанскихъ поселенцевъ испанскій языкъ оставался только культурнымъ языкомъ образованнаго класса. А если пришлаго элемента не усваивается туземцами, то онъ становится культурнымъ языкомъ и въ общемъ сохраняетъ свои старинныя черты. Подобно этому въ большихъ городахъ, какъ, напр., въ Парижѣ, гдѣ культурный языкъ дѣлается общимъ достояніемъ всѣхъ слоевъ населенія, въ фонетическомъ отношеніи измѣняется сильнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ употребляется только образованнымъ классомъ. Итакъ, не подлежитъ

нѣнію, что подчиненіе одного народа другимъ можетъ отражаться и на языкѣ завоевателей. Но если нѣкоторые языковѣды, какъ, напр., Гиртъ и нѣкоторые романисты, выказываютъ склонность чуть ли не *всю* фонетическія измѣненія объяснять смѣшеніемъ народовъ, то съ этимъ нельзя согласиться. Съ одной стороны, есть случаи смѣшенія народовъ, не оставшіе повидимому никакихъ слѣдовъ въ звуковой системѣ. Въ русскомъ народѣ мы находимъ примѣсы татарскихъ и финскихъ племенъ, а между тѣмъ слѣды татарскаго и финскаго вліянія мнѣ извѣстны почти только въ лексикѣ, а не въ фонетикѣ русскаго языка. А, съ другой сторонѣ, есть народы, о которыхъ мы не знаемъ, что они смѣшались съ другими; такъ развѣ ихъ языки не подвергаются никакимъ фонетическимъ измѣненіямъ? И почему звуковая система подвергается измѣненіямъ также послѣ окончанія процесса смѣшенія? Изъ всего сказаннаго ясно, что *общихъ* причинъ всѣхъ фонетическихъ измѣненій не имѣется, но что въ *каждомъ* конкретномъ случаѣ приходится искать причины измѣненій. Во многихъ случаяхъ намъ пока и не удастся ихъ найти. Но это не должно насъ обезкураживать. Точныя и систематическія наблюденія надъ процессомъ фонетическихъ измѣненій въ современныхъ говорахъ начались лишь недавно и пока только кое-гдѣ. Послѣ цѣлаго ряда такихъ тщательныхъ и продолжительныхъ наблюденій, какія производились французомъ Rousselot, процессъ и причины фонетическихъ измѣненій для насъ несомнѣнно станутъ гораздо яснѣе.

Итакъ, милостивые государи, вы видѣли, какъ много еще придется работать надъ однимъ лишь отдѣломъ широкой области языковѣдѣнія; для насъ языковѣдовъ это должно быть поощреніемъ къ дальнейшей работѣ; скажемъ и мы, что обладать истиной менѣе привлекательно, чѣмъ искать ее; и въ этихъ поискахъ да сопутствуетъ намъ счастливый образъ учившаго въ этихъ аудиторіяхъ Александра Афанасьевича Потебни.